

ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

РОДНОЙ ЧЕЛОВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1987

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Виталий Титович Коржииков
РОДНОЙ ЧЕЛОВЕК

Рассказы

Художник Н. Устинов

Редактор И. Пестова. Художественный редактор М. Саушкин.
Технический редактор М. Матюшина. Корректор Н. Пяликова.

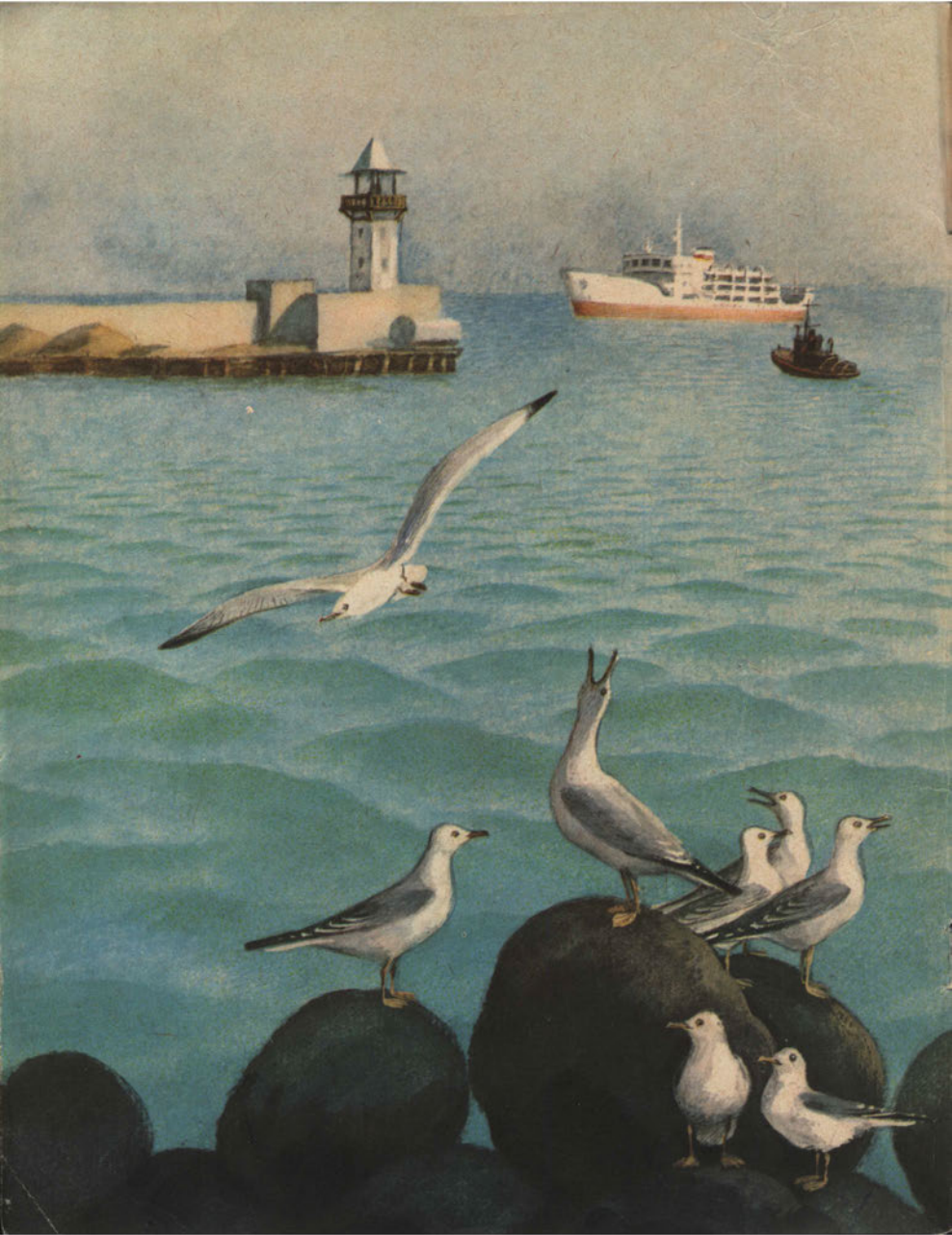
ИБ № 2049

Сдано в набор 11.08.86. Подписано в печать 10.01.87. 64×108/16. Бум. офс. № 1. Гар-
нитура Базис. Печать офсет. Усл. печ. л. 4,2. Усл. кр. отт. 18,3. Ул.-кд. л. 3,51.
Тираж 200 000 экз. Изд. № 8278. Заказ № 1182. Цена 30 коп. Издательство «Ма-
маш». 121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский район Трудового Крас-
ного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Рос-
сизполиграфпрома Госкомиздата РСФСР, 170040, Калинин, проспект 50-летия Ок-
тября, 46.

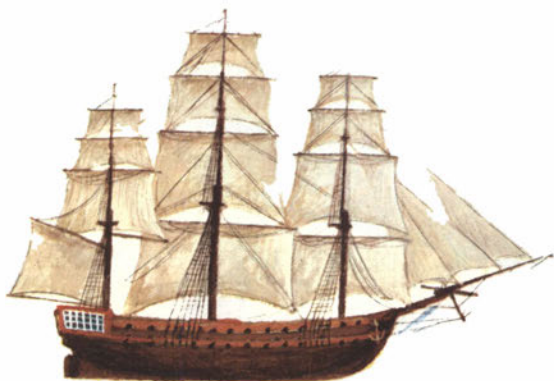
4803010102-068
М102(03)-87

© Издательство «Мамаш» 1987

ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

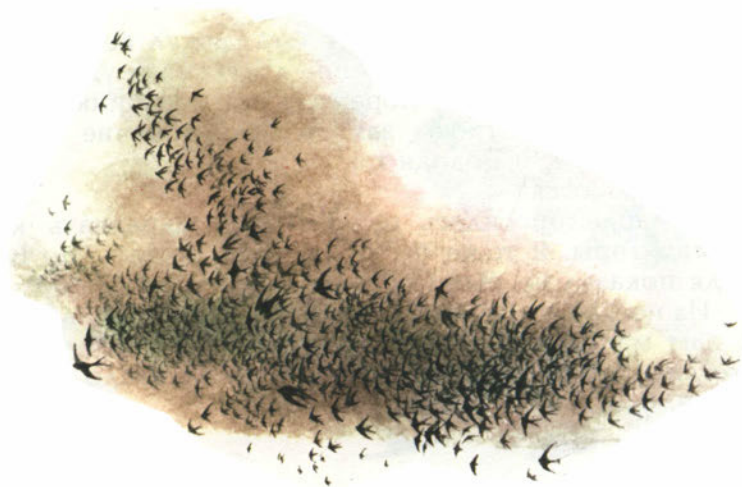
РОДНОЙ ЧЕЛОВЕК

Художник
Н. Устинов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1987

РОДНОЙ ЧЕЛОВЕК

Как-то летней порой шли мы на теплоходе по африканским морям. Жара стояла! Воздух будто горел. Даже рыбы от жары попрятались в морскую глубину. Лишь акульки плавники по-хозяйски резали воду. Да иногда высоко в небе мелькал самолёт.

Мы протирали на раскалённой палубе тросы и старались выискать хоть малое пятнышко тени.

Только наш плотник Володя спокойно разгуливал по палубе в шортах и резиновых босоножках.

— У нас в степи и погорячей бывало,— говорил он и похлопывал себя по крепкому загорелому животу.

Скоро справа, с правого борта, подул ветер. Над горизонтом задымилась знойная мгла. Откуда-то из пустыни неслись над морем жгучие песчинки. Потом о мачту, о тросы зашелестели горячие струи песка. Тут уж и Володя поёжился:

— Жалются!

Команда бросилась по каютам—закраивать иллюминаторы. Я тоже было собрался бежать, но Володя показал на рыжую тучу: смотри-ка!

Из неё, то поднимаясь, то опускаясь, пробивалось к нам маленькое чёрное облачко. Порывами ветра его сносило в сторону, но оно поворачивало к нам снова.

Я ещё не успел разобрать, что это, а Володя сказал:

— Ласточки.

Через минуту-другую облачко оказалось над палубой, и, ударившись о мачту, к нашим ногам упала маленькая иссохшая ласточка. За ней с раскрытыми клювами посыпались на палубу другие, а те, что покрепче, уселись наверху, вцепились лапками в тросы.

— Вот беда! Вот попали! — проговорил Володя, прикрывая лицо ладонями.

Весь день нас обжигало летящим песком. Песок в рубашках, песок на зубах, песок в компоте. По палубе двигались маленькие жёлтые барханы. Все, кто был свободен от вахты, собирали ласточек. Собрали, стали пить. Кто из блюда, кто из губ.

А Володя стал у трюма и вверх смотрит: те-то, верхние, так и сидят, лапки разжать боятся. Без питья и еды сохнут, падают.

— Снять бы их, покуда живые. Да как? — сказал я.

Наш грузовой штурман махнул рукой:

— Мёртвое дело! — и ушёл в рубку.

— Ничего не мёртвое! — возразил Володя. — Ну-ка, где там спасательные штаны? Хоть здесь пригодятся.

Подцепили мы к тросу спасательные, похожие на люльку, штаны, уселся в них плотник с кошёлкой в руках, и трос потянул его вверх. Потом штаны поехали потихонечку вниз. Володя одной рукой держит кошёлку, другой ласточек в неё снимает. Полкошёлки набрал!

Спустился — и к себе в плотницкую. Как в лазарет. Принёс, водой опрыскал — раз, другой, третий.

Поить начал, а там и кормить разварной крупой. По крупинке в клюв. И мы приладились. Даже капитан пришёл. Подержал птаху в руках, покормил и улыбнулся:

— Молодец, плотник!

Ожили птицы, крылья расправили.

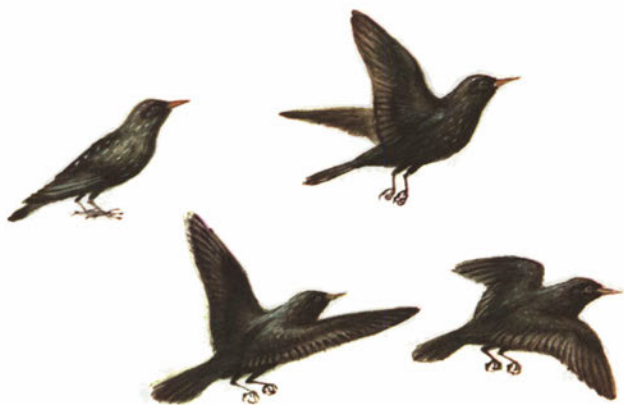
А тут ветер стих. Поголубело небо. Берег показался. Зазеленели вдали пальмы, сады. Вынес Володя корзину на палубу, ласточки из неё по одной—на трюм, на поручни, а там вдруг стайкой раз—и к берегу...

Распрощались мы с ласточками, прошёл день-другой, смотрим—сели к нам на палубу четыре птицы. Серенькие, в серебристую крапинку. Как сели, так и приросли к поручням. Жара!

— Вот тебе раз!—удивился Володя.—Скворцы!

Наклонились мы над ними, а они не шелохнулись. Только головы набок чуть поворачивают.

— Откуда же вы, из каких скворечен вылетели? Может, из-под Запорожья, а?—спросил Володя, взял одного скворца в руки и вдруг говорит:

— Ой, ребята, сердчишко-то как колотится!

Отнесли мы птиц в тень, а Володя пошёл к капитану.

— Товарищ капитан, снова птицы. Скворцы. А земля не скоро...

— Ну и что?

— Может, скворечники им сделать?

— А крепить куда?

— К мачтам!

— Ну да! Тоже сказал!—ухмыльнулся грузовой штурман.—Посмотрят, скажут: «Что это ещё за деревня плывёт!»

— А мы аккуратно,—объяснил Володя.—Сзади закрепим и мачтовой краской выкрасим. А подойдём к порту, снимем...

— Ну, если сзади—ладно,—согласился капитан и улыбнулся:—Родной деревней немного подышим.

И поплыли скворцы с нами. Из шумных морей — в тихие, из жарких краёв — в прохладные. Внизу — летучие рыбы, вверх — наши птицы. Полетают над океаном, посмотрят на нашу работу, спустятся к камбузу и треплют длинными носами мясо, нарезанное узкими полосками. А плотник справляется: — Что, хороши черви? Не хуже настоящих? То-то!

А они поклюют, порхнут к скворечникам, к одному и другому, и поют, и смотрят, скоро ли родная земля.

Хорошо. Даже грузовой штурман сказал:

— Ничего себе «каютки» облюбовали.

Но вот миновали мы чужие воды. Ни акул вокруг, ни летучих рыб. А впереди — земля. Родная. Наша.

И лишь вошли в порт, два скворца из нижнего скворечника пурх—и вылетели. А двое улетать не хотят. Нужно скворечники снимать, а они—никуда. Заглянул плотник в птичью «каюту», а там яички...

— Ну и что делать будем?—спрашивает капитан.

Володя снял скворечник с яичками и, едва пришвартовались, пошёл с ним к первому дворику с тополем. Ласково, по-доброму поклонился хозяйке:

— Бабуля, может, возьмёте жильцов к себе?

Бабуля посмотрела и говорит:

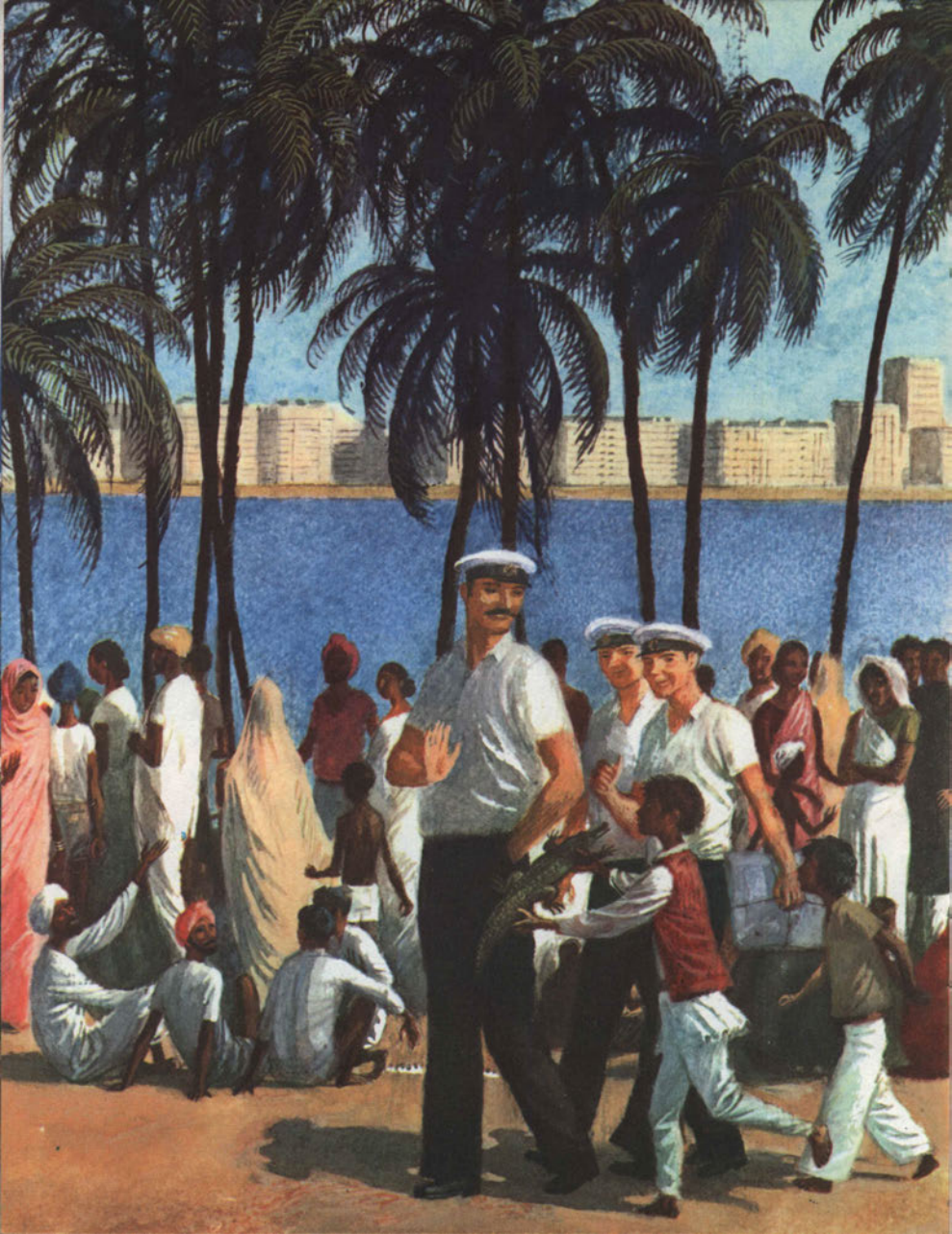
— Хороших жильцов отчего ж не взять? Только на дерево я сама не полезу...

— А это мы мигом!—сказал Володя.

Забрался он на дерево, прикрепил скворечник к тополи. Спустился, посмотрел, как нырнули скворцы в родной домишко, и помахал им: «Живите!»

Отправились мы снова в моря. Идём, плывём, а птицы над нами—нет-нет и пролетают. Иной раз кружат, кричат. Что кричат, не понять. Может быть: «Смотрите, вон палуба. Наша, родная». А может, видят Володю и говорят про него: «Смотрите, а вон человек. Наш. Родной».

ФРЕГАТ БОЦМАНА ГОДУНОВА

Почти всей командой мы шли по знойной набережной Бомбея. В порту, за пальмами, качались мачты кораблей. А над нами тоже, как мачта, покачивал русой головой Годунов—самый высокий боцман на всём торговом флоте. На него оглядывались рикши. Продавцы кокосов и заклинатели змей провожали его глазами, а он шёл себе и шёл, посматривая на местные лавочки. Боцман искал себе новые часы и подарок сыну.

Подарок боцман искал не впервой. Он уже покупал их раньше. Но все они один за другим исчезали. Купил раз в японском городке бумажного змея — и там же запустил на радость мальчишкам выше старого вулкана.

Пришли на Кубу — и всю леску, купленную в Йокогаме, разматал ребятам на удочки. Зато какая рыба ловилась с причала! Мальчишки азартно кричали: «Боцман, боцман! Гранд пескадо!» И боцман соглашался: «Рыба что надо!»

А в Калькутте привёл на палубу двух ребят — шек, брата и сестру, отмыл, накормил и на прощание нарядил в новые белые рубашки.

— Ты же сыну купил! — говорил наш повар Вася.

— У меня сын пионер, — отвечал боцман, — он и сам бы поделился. — И Годунов поворачивался к стоявшей в каюте среди

книг фотокарточке сына: — Правда?

Теперь боцман шагал, упираясь головой в бомбейские небеса и отмахивался от шумных продавцов мангуст, черепах, засушенных кобр и заводных мартышек.

— Боцман, смотри — крокодил! — кричал кто-то из наших, подбрасывая в руках коричневого лакированного крокодила.

Годунов отстранялся ладонью: «Хорош! Но не надо».

— Боцман, джинсы! В самый раз на Петьку! — звал запыхавшийся Вася и прикладывал мальчишечьи джинсы к своему солидному животу. Но боцман разводил руками: «Тоже мне удивил!»

Вдруг боцман заглянул в потрескавшуюся дверку одной лавочки. Постоял секунду-другую, протиснулся в неё. Последовав за ним, мы словно очутились на прохладном дне океана: в тускловатом го-

лубом подвальчике на полках розовели раковины, стояли громадные морские звёзды, топорщили иглы морские ежи... А над ними, развернув паруса, покачивался под вентилятором великолепный трёхмачтовый фрегат. Сквозь прорези в бортах смотрели точёные пушечки, по бокам от бушприта темнели лакированные якорьки.

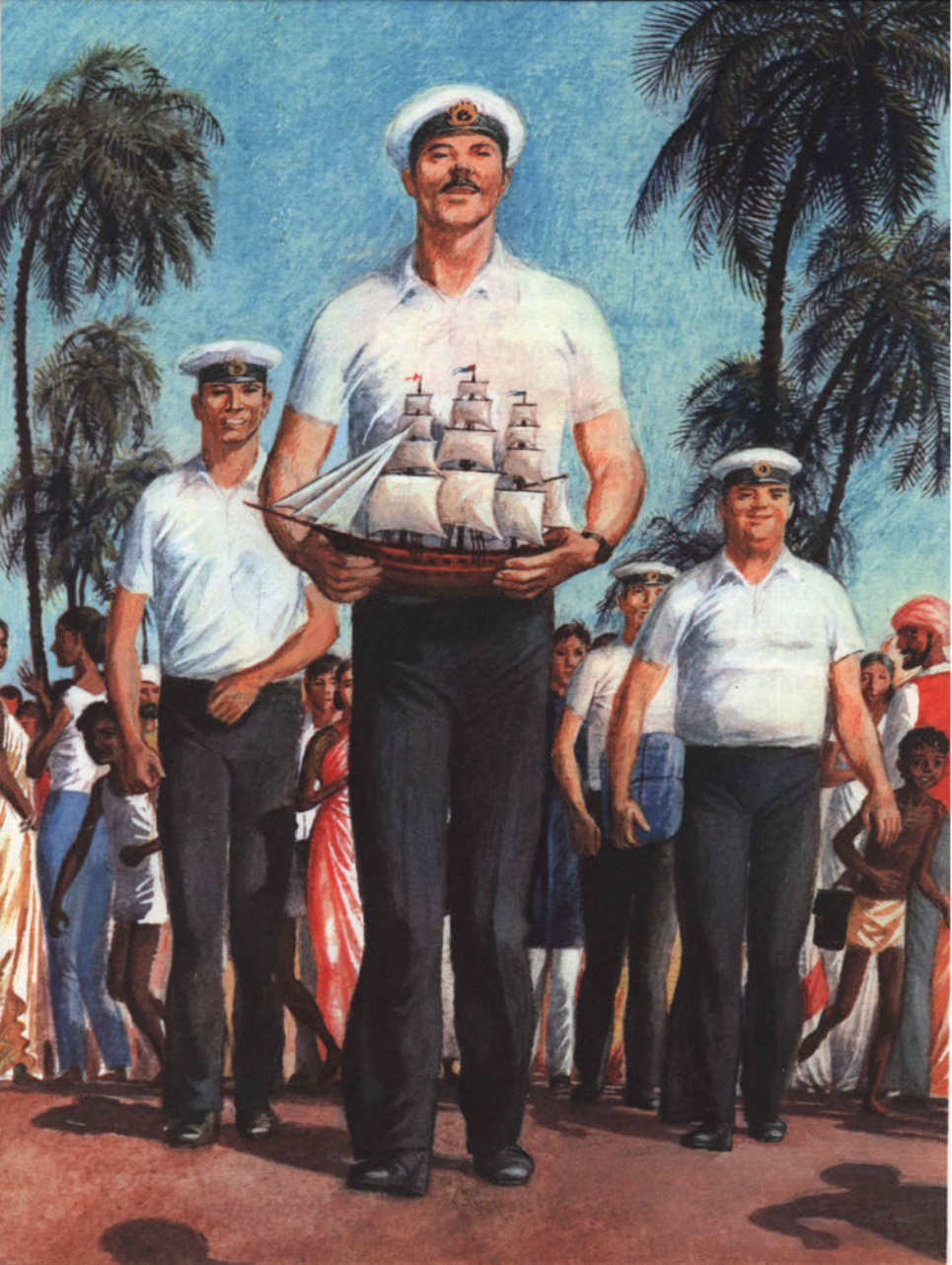
Боцман, протянув руку, спросил: «Сколько?» Смуглый хозяин-малаец назвал цену, и Вася охнул:

— Ого, вся зарплата! А на часы?

Однако боцман взял в руки корабль. Любуясь, подержал его на ладони, подул в паруса. И, выложив деньги, с парусником под мышкой шагнул на улицу.

Он шагал по набережной, как Гулливер. Встречные мальчишки с восторгом кричали что-то, может быть: «Попутного

ветра!» А Вася, стараясь не отстать от боцмана, говорил:

— Ну уж этот-то подарочек при попутном ветре доплывёт до Владивостока! Правда, если боцман его где-нибудь не оставит...

— Ну уж дудки,—возражал боцман.—Этот парусник только Петькин.

Но ветер выпал нам совсем не попутный. Вышли мы в океан, и налетел шторм. Волны сошлись зелёными глыбами, занесли наш теплоход к небу и швырнули ко дну. Тяжёлый груз накренился, брёвна на палубе заёрзали, двинулись к борту, кто-то охнул: «Ну, всё!» Но боцман, удерживая брёвна ломом, изо всех сил крикнул:

— Крепи тросы!

Мы работали по колено в бурлящей воде, стягивали узлы, набивали крепче тросы, а мимо нас, то где-то высоко вверх, то в глубокой зелёной бездне, проносились другие застигнутые бурей суда. Всё ревели, ухало, громыхало...

Когда мы, наконец, вышли из шторма на чистую воду, боцман, отираясь рукавом, сказал:

— Ну, кажется, порядок!

Но в каюте боцмана всё было вверх дном. Подушка в раковине умывальника, туфли и костюм — будто собирались бежать — у порога... А фрегат, прекрасный фрегат, лежал на полу, развалившись пополам, и бамбуковые шпангоуты торчали сквозь его обшивку.

— Вот тебе и доплыли,—сказал Вася.—Тут без мастера не обойтись.

Боцман помолчал и согласился:

— Без мастера не обойтись, это точно!

А через несколько дней, разыскав у плотника куски бамбука и клей, Годунов устроился с фрегатом на палубе под окнами камбуза. Всё свободное время, пока шли мы через Индийский океан, боцман резал бамбук на планки, наждачил их, связывал, клеил. И мы радовались: фрегат не только оживал, он становился больше, выше, стройней...

В окошко камбуза, посмотреть на работу друга, выглядывал Вася, и тогда по палубе расплывался дух поджаристых сухарей. Сухари он сушил, точно зная, что охотники похрустеть ими найдутся не только на палубе, но и в любом порту.

Однажды, когда Вася появился в окне, боцман сказал:

— Смотришь? А лучше бы сухариками угостил. За работу!

Он встал во весь рост, поднял над собой фрегат, и Вася вскрикнул:

— Гляди-ка, живёт! Честное слово, живёт! Это точно — доберётся до Петьки.

— Вот подсохнет, — сказал боцман, прилаживая корабль на подсушку возле спасательного бота, — и доберётся.

Годунов посмотрел вдаль, будто представил, как

они с Петькой пойдут на виду всего города берегом своего залива и поведут фрегат за собой по синей зеркальной воде.

Теперь что ни день мы драили палубу. Боцман обдавал её из брандспойта сверкающей водяной струёй-радугой.

А сверху, на радугу, на игры дельфинов, на полёт летучих рыб смотрел красавец-фрегат, набираясь запахов океанского ветра.

Шли мы к Сингапуру. По дороге должны были забежать на один тропический остров пополнить запас воды. Танки—металлические баки под воду—были подготовлены, и, отдыхая, мы смотрели, как появляются из-за горизонта крохотные верхушки пальм.

— Маленькие. Наш боцман повыше!—шутил Вася.

Но остров приближался, пальмы становились всё выше, а боцман—словно бы ниже. Вода за бортом помутнела. Из тёмных джунглей к нам по реке плыли кокосовые орехи, черепахи, вынырнула и скрылась чья-то бугристая и сильная спина.

И только мы стали на якорь, к одному борту подошла баржа с водой, а к другому от берега, из маленькой свайной деревушки, полетела лёгкая лодочка, в ней единственным веслом гребли по очереди три мальчугана.

Догоняя лодку, подпрыгивал на воде красивый катер. На его носу, по-хозяйски выставив ногу, стоял чиновник в шортах, с портфелем под мышкой, и махал рукой.

— Ко мне,—улыбнулся Вася.

— За сухариками?—спросил боцман.

— Точно. И детвора и мужик. Хороший мужик, весёлый. Я ему в прошлый раз полный портфель сухарей насыпал. Им сухари, что нам бананы. Деликатес!

— У тебя все хорошие! — засмеялся боцман, но вдруг резко оборвал смех.

Обгоняя лодку, катер зачем-то повернул так, что лодка подпрыгнула, выбросив ребят в воду. Сам катер лихо подрулил к нашему трапу.

Мальчишки барахтались в воде, а улыбающийся чиновник бежал уже к нам по ступенькам трапа, на ходу распахивая огромный портфель.

Чиновник бежал вверх, боцман мимо него — вниз. Став на колени, Годунов одного за другим втащил мальчишек на трап. Прижимаясь друг к другу, они испуганно смотрели наверх, но боцман подтолкнул их: «Смелее, вперёд, вперёд!» С ветхих маек, с чёрных волос тоненьких островитян сбегала вода, и на ступеньках от их пяток оставались мокрые следы.

— Хороший мужик! Весёлый! За сухарь утопит! — процедил боцман.

Вася, стоявший уже с кулём сухарей, заморгал: «Так он нечаянно...»

— Нечаянно,— усмехнулся боцман. И вдруг, повернувшись, спросил:

— А пряников у тебя не найдётся?

Через минуту Вася вышел с тарелкой пряников.

— А конфет не было? — посмотрел на него боцман.

Но Вася и сам, достав из кармана куртки, уже протягивал ребятам горсть карамели. И мы, команда, несли кто что мог и совали ребятам свои подарки. Мальчики зябко ёжились, боязливо посматривали туда, где стоял чиновник с распахнутым портфелем.

Боцман окинул взглядом ребят. Потом повернулся к чиновнику и насмешливо заглянув в глаза, укоризненно покачал головой. Вдруг, взяв у Васи куль с сухарями, протолкнул его в портфель: «Держи. А то прозеваешь!»

Чиновник замигал. А мальчики повеселели, залопотали. И вдруг разом огромными от удивления глазами уставились в одну точку. Там, за камбузом, у спасательного бота, солнце наливало золотом паруса фрегата...

Уже мы сворачивали шланги, уже затягивали брезентом трюм, а ребятишки всё хлопотали у фрегата, приседали, ползали вокруг на четвереньках, забыв о всех бедах и неприятностях. И боцман окидывал их сверху грустной доброй улыбкой...

— Ты смотри, как понравился,— сказал Вася.— Верно, такого никогда не видели.

— А что они там вообще хорошего видели? — кивнул боцман на хижину деревеньки.

Прозвучало сверху привычное: «Боцман, на бак!»
Годунов ответил: «Иду!»

Лица мальчиков сразу погрустнели. Будто уже исчезло всё хорошее — и фрегат, и добрая палуба, и приветливые моряки, оставался с ними только чиновник.

Он смотрел то на фрегат, то на боцмана, то на ребят и ухмылялся...

И тут, окинув чиновника с ног до головы весёлым взглядом, Годунов похлопал ребят по плечам, чему-то улыбнулся, подмигнул и шагнул к фрегату.

— Боцман, ты что, что ты? — прошептал Вася.—
А Петька?

Но боцман, вскинув голову, пожал плечом, словно говоря: «А что Петька — разве он не пионер?»

Он взял корабль в руки, покачал на ладонях, осмотрел днище, поправил паруса — и протянул ребятам невиданный подарок...

Через час мы уходили. Пальмы опять становились всё меньше, боцман — всё больше. Он стоял у борта и смотрел, как нехотя, то и дело останавливаясь между нами и берегом, покачивалась лодочка, над которой всё поднимались и поднимались три тоненькие руки. А следом за лодкой, весело расправив паруса, шёл к тропическому острову по вольной океанской воде его фрегат — фрегат боцмана Годунова.

ОНКЕЛЬ ФЕДЯ

Всю последнюю неделю осени мы стояли в маленьком японском порту. Погода была ясная. Солнце с утра обливало светом снежную гору, бывшую когда-то вулканом, и весь тихий рыбацкий городок у её подножия. Залётный ветер подёргивал холодющую воду, покачивал на волне рыбацьи судёнышки, так что на них позванивали колокольцы. В домах он скользил по окнам, веселил на крышах магазинов заскучавшие иероглифы и наполнял всё вокруг глубинным запахом океана.

Работалось под таким ветром бодро. Я стоял на причале, подновлял чернью потёртый в долгом рей-

се борт нашего парохода. Каток быстро ходил по железу. Краска ложилась легко, блестела, и в глубине борта, как в настоящем зеркале, отражался весь цветной мир—и снежная гора, и бегущие по причалу японские грузчики в жёлтых касках, и сам я...

Иногда на корму стоявшего рядом немецкого танкера выходил глотнуть свежего воздуха грузный повар в белой куртке и белом колпаке. Сделав несколько приседаний и взмахов распаренными руками, он перегибался через борт, осматривал мою ра-

боту и, одобрительно покачав седой головой, показывал огромный большой палец: «Гут! Хорошо!»

Дежуривший у нашего трапа мой приятель Федя пожимал плечами и всем своим видом словно бы говорил: «За что хвалить? Обыкновенно...» Говорил он это, в общем, шутя, потому что мог шутить в самых нешуточных ситуациях. Бывало, бежит в океане во время шторма по палубе, увидит летящую навстречу волну и грозит ей: «Эй, голубушка, поосторожней!» А подбросит палуба, он ей тоже выговор делает: «А потише нельзя? Я, может быть, плавать не умею! Швырнёшь за борт, утону, отвечать сама будешь!»

Федю действительно никто из нас плавающим не видел, ни на кубинском пляже, ни в горячей индийской воде. То ли надоела вода человеку, то ли в самом деле не плавает. А ведь все моря-океаны обошёл. Бывает же такое!

Так вот Федя шутливо кивал немцу и объяснял знаками: «Ничего особенного!»

Особенного, конечно, ничего не было. Работа как работа. Но вокруг было так свежо, так ветрено пахло океанской глубиной, что я да и Федя соглашались с немцем: «Гут! Хорошо!»

Нравилась погода, наверное, и японским ребятишкам. Они собирались в порту в своих тёмных школьных костюмчиках, раскладывали прямо на причале альбомы, краски, рисовали море, острова, корабли и наш бывалый с красным флагом лесовоз. Получалось у них всё ярко, празднично.

Мы подходили к ребятишкам, заглядывали в альбомы. И тут же возле детей появлялся седой повар с танкера. Он покачивал головой, поводил бровями:

«Гут! Гут!», а сам присматривался к нам — и всякий раз приглашал к себе: «Заходите! Посидим, поговорим!» По глазам было видно, что очень ему хотелось с нами поговорить и вроде бы чем-то поделиться.

Но не было у нас времени! Погрузка подходила к концу, мы вот-вот отправлялись домой, к своему берегу, к родному первому снежку...

Перед самым нашим выходом из порта ветер неожиданно посвежел, расходился. В причал стали надсадно стучаться волны, осыпать набережную брызгами. Я подхватил свой малярный инструмент: красить по мокрому не годится. Засобирались и японские ребяташки. Лишь один, посмелей, задержался — рисовать бурлящие волны. Мы сперва остерегали его, покрикивали, но потом успокоились: видно, привык, сам понимает.

И вдруг заскрежетали тросы, корабли потянуло вверх: с налёту, будто саданули из пушки, в берег ударила громадная волна. Накрывая растекающейся пеной весь причал, весь порт, она ткнулась в склады, крутанулась, покатила назад — и маленький япончик, потянувшийся за плывущим альбомом, скатился с потоком в море.

Я кинулся по трапу. С криками наперебой, бросив работу, высыпали на берег японские грузчики. По корме немецкого танкера, сбрасывая куртку и готовясь к прыжку, бежал повар. «Беда! Аврал!»

И тут с нашей кормы, мелькнув, пролетело что-то чёрное, ушло в волны, и я едва успел заметить: это же Федя! Его чёрный свитерок!

Он вошёл в воду мгновенно. Мы закричали, заторопились: он же не умеет плавать! Он же, говорил, не плавает!

Но тут из студёной глубины появилась одна голова, за ней всплыла вторая, захлопала чёрными испуганными глазками. В воду разом полетели спасательные круги, оранжевые спасательные жилеты. А через несколько минут грузчики уже хлопотали вокруг мальчишки, шлёпали мокрого, сцепившего зубы Федю по плечам и спине, кричали: «Спасибо! Аригато! Тоно аригато!» Портовые рабочие протягивали ему флаги, термосы: «Кампай, кампай! Грейся!» А он всё встряхивал головой и, дрожа от холода, никак не мог стянуть с себя одежду...

Ветер, как налетел, так и пропал. Волнение улеглось. Быстро наступил осенний вечер, закачал над морем звёзды, засветил огни на кораблях. Неоновым светом заиграли в городке рекламы.

Я стоял на вахте у трапа, удивлялся: «Ну Фе-

дя!» — и отвечал то и дело подходившим с благодарностью японцам, что товарищ, который спас их мальчика, спит, крепко спит.

Японцы улыбались и понимающе кивали головой.

Но вот совсем кончился этот шумный тревожный день, стало слышно, как опять позванивают колокольцы на рыбачьих судах.

И тогда со стороны танкера зазвучали сильные мужские шаги. Это к нам направлялся наш знакомый повар. Был он в тёмном выходном костюме и со свёртком, от которого вкусно пахло.

Он тоже спросил, где наш товарищ, наш геноссе. Он очень хотел бы ему сказать, что сам тоже хотел нырнуть за мальчиком, да не успел. Наш товарищ оказался быстрее. И смелее. «Да, да! Смелее! Нельзя ли его позвать?»

Стоявший рядом штурман развёл руками, а я сказал:

— Спит Федя.

Немец задумался. Переспросил:

— Федя?

— Федя! — повторил я.

И вдруг оживившись, немец заговорил быстро, а там ещё быстрее, так что я перестал что-либо понимать и разбирал только одно часто повторяемое им слово: «онкель, онкель» — дядя, онкель Федя, дядя Федя.

Я посмотрел на штурмана, и тот улыбнулся:

— Говорит: «Опять дядя Федя».

— Почему «опять»? — спросил я.

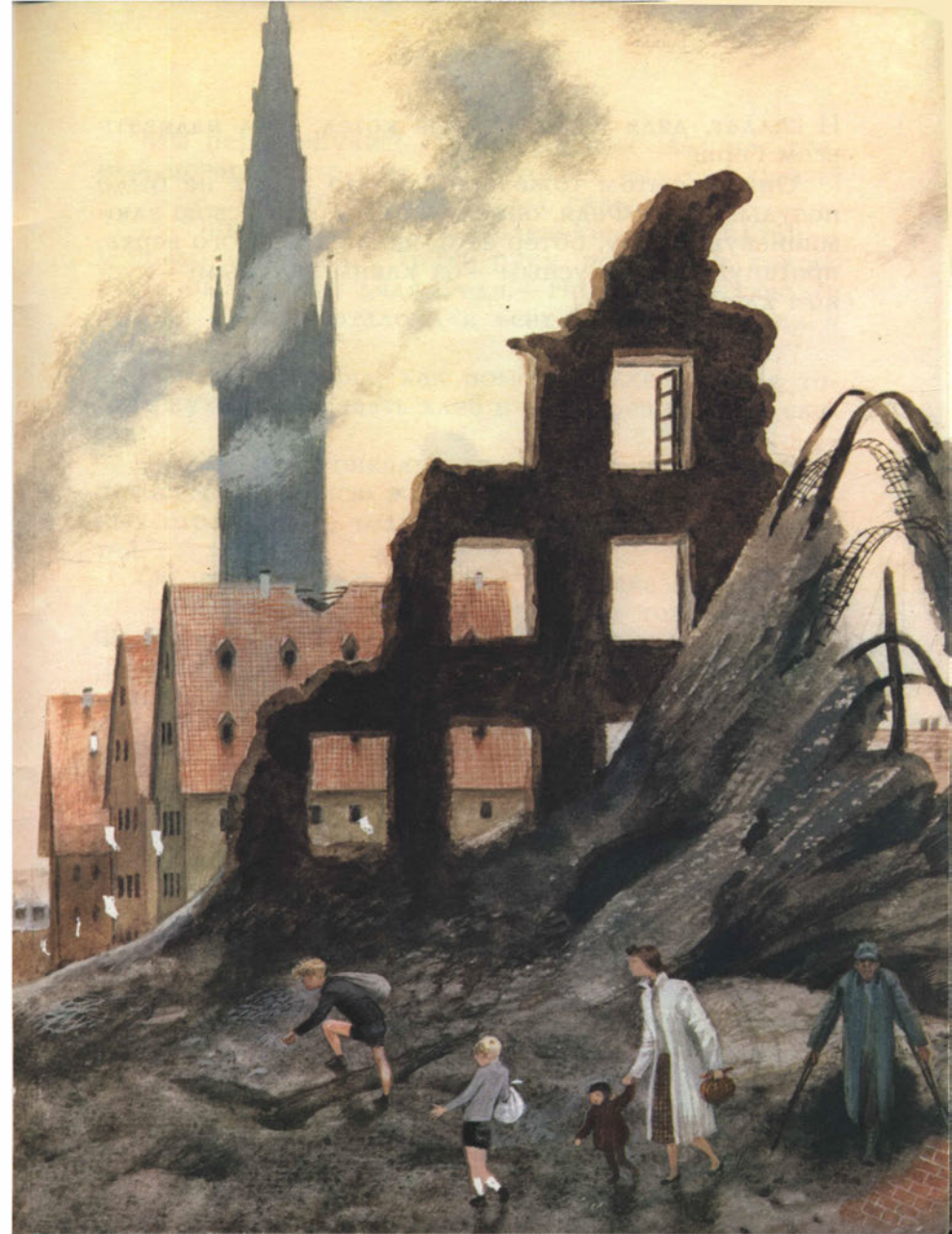
— Говорит, у него в детстве тоже был дядя Федя, который его спас и тоже успел вовремя.

Повар заволновался, закивал, стал говорить медленней и понятней о том, как всё это когда-то случилось...

Было то в минувшую войну. Целую неделю в их городке шёл бой. Страшный бой. Такой, что разлетались от взрывов дома! И все-все, кто мог, спрятались в самых глубоких подвалах. Они с братишкой тоже сидели в подвале — в темноте, без крошки во рту. Никому наверху не было до них дела... А потом прогрохотали танки, стало тихо. Так тихо, будто город умер и на земле не осталось людей.

...Но вот зацокали копыта и заскрипели колёса, запахло борщом, хлебом, и на площадь вкатилась русская полевая кухня, на которой сидел повар, невысокий пожилой солдат с медалью.

И сразу же вокруг него появились дети. Целая площадь детей! С мисками, с кастрюлями, банками.

И солдат, дядя Федя, открыв котёл, стал наливать всем борщ.

Они с братом тоже пришли. Но у них не было посуды. Тогда Федя, онкель Федя, достал свою алюминиевую миску, обтёр её и, налив до самого верха, протянул им с вкусным — ох каким вкусным! — куском хлеба...

Мы переглянулись. Так вот зачем звал нас старый повар, вот о чём так хотелось ему рассказать!

А он, заметив наши взгляды, сказал:

— Онкель был совсем маленьким, ганц кляйн,— и повар задержал у груди руку, показывая, какого роста был солдат дядя Федя.— Но борща и хлеба у онкеля Феде хватало для всех детей. Фюр аллен киндерн.

Немец вспомнил, как помогал онкелю Феде топить кухню, раздавать хлеб и вдруг решительно сказал:

— Если б не онкель Федя, я бы никогда не стал поваром! А так всю жизнь готовлю, плаваю и в разных странах, где только мог, кормил голодных детей.

Он улыбнулся и, уже прощаясь, сказал:

— Вот хотел угостить и вашего товарища. Но Федя спит. Спит онкель Федя.

И снова стало тихо, только где-то качнулись колокольцы, будто нежно повторили: «Он-кель, он-кель...»

Мы разом заговорили: вот ведь как бывает! Столько лет прошло, а дядя Федя, если жив, и не знает, что вспоминают его сейчас. И где? В Японии! Запомнился солдат дядя Федя человеку на всю жизнь.

Штурман улыбнулся:

— Наш-то Федя тоже ростом не очень вышел...

На рассвете мы уходили. Берег ещё спал. Но рыбаки уже тянули сети. На корме немецкого танкера снова стоял грузный человек. Он был опять в белой куртке, в колпаке — повара встают рано — и негромко кричал нам:

— Передайте привет онкелю Феде.

Мы кивали, хотя не очень-то поняли, какому онкелю передать привет: нашему Феде или тому, который когда-то после боя наполнял мальчишечьи миски и котелки солдатским борщом. Скорее всего — обоим.

За бортом всё больше дымилась на морозце вода. Над спящим городком всё отчётливее вырисовывался старый вулкан. В одном из домиков, у его подножия, спал ещё японский мальчик, у которого тоже был теперь свой Федя. Свой дядя Федя.

